

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 9

**ЗЕРКАЛО
РАСПУТИНА**

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Зеркало Распутина

<https://litres.ru/74040456>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ленинград, январь 1943 года. В бывшем Юсуповском дворце находят убитой старую фрейлину. Рядом — разбитое зеркало, на стене — кровавый отпечаток мужской ладони. Капитан НКВД Алексей Ухтомский берётся за расследование. Вскоре находят вторую убитую — тоже фрейлину, тоже с разбитым зеркалом. Соседка слышала шёпот перед смертью: «Распутин пришёл за нами».

След ведёт в подвал Юсуповского дворца, где когда-то произошло одно из самых громких убийств российской истории. В наши дни искусствовед Анна Ухтомская, правнучка Алексея, находит в запасниках Эрмитажа старинное зеркало без документов. Что скрывается между слоями его потускневшей амальгамы? Кто охотился за ним в блокаду и продолжает охотиться сейчас?

«Зеркало Распутина» — девятая книга серии «Ленинградская вязь», которую можно читать как самостоятельный роман. Блокадный Ленинград, старый Петроград и тайна, спрятанная в серебряной раме. Никакой мистики — только рациональное объяснение того, что казалось необъяснимым.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ. «Кровь на зеркале»	5
ЧАСТЬ I. «БЛОКАДНОЕ ЗЕРКАЛО»	10
Глава 1. «Фрейлина из подвала»	10
Глава 2. «Отпечаток»	16
Глава 3. «Полковник Медведев»	22
Глава 4. «Княгиня с Лиговского»	28
Глава 5. «Дело 1918	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Зеркало Распутина

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ. «Кровь на зеркале»

Время: 17 декабря 1916 года, 23:30

Место: Петроград, дворец Юсуповых на Мойке, 94

1916 | Феликс Юсупов

В подвале пахло сыростью и старым вином.

Феликс Юсупов поправил воротник сорочки — душный, крахмальный, он врезался в шею, — и посмотрел на часы. Половина двенадцатого. Распутин опаздывал на двадцать минут, и это было хорошо. Феликс успел выпить три пальца коньяку, стоя у дубового стола, где под салфетками лежали пирожные.

Он посмотрел на них.

Маленькие, изящные, с розовой помадкой. Те самые, которые заказал у Клемма. В каждый было всыпано столько цианистого калия, что хватило бы на роту солдат. Феликс сам размешивал порошок в креме. У него дрожали руки, но он справился.

Он должен был справиться.

Из-за стены доносились голоса — Дмитрий и Пуришкевич ждали наверху. Пуришкевич, старый дурак, предлагал просто застрелить Григория при входе. Но Феликс хотел красиво. По-английски. Он читал про отравления при дворах

Ренессанса — Медичи, Борджиа. Он хотел, чтобы Распутин уснул с улыбкой на лице. Чтобы всё было тихо и прилично.

Но цианид не брал старца.

Феликс проверил это неделю назад — дал попробовать то же пирожное собаке. Пёс умер через три минуты. А Распутин в прошлый раз съел три штуки и только расцвёл. Феликс тогда уверил себя: подсыпал мало. Сегодня он всыпал вдесятеро.

Он ждал.

Шаги на лестнице. Тяжёлые, скрипучие. Феликс выпрямился, изобразил на лице радушие.

Дверь открылась.

Распутин вошёл, стряхивая снег с шубы. Огромный, бородатый, пахнущий потом и какой-то сладкой травой. Глаза — странные, острые, даже в полумраке подвала они блестели по-кошачьи.

— Феликс, Феликс, — голос низкий, тягучий. — Зачем звал в такую ночь? Дома-то жена ждёт, детки...

— Григорий Ефимович, — Феликс указал на кресло у камина. — Я хотел показать вам одну вещь. Редкую.

Он надеялся, что голос звучит ровно. На самом деле внутри всё дрожало.

Распутин крякнул, сел. Сразу потянулся к пирожным — взял одно, надкусил, зажмурился от удовольствия. «Эх, хороши». Феликс смотрел, как шевелятся его челюсти. Ждал. В горле пересохло.

Распутин съел первое — ничего.

Второе — улыбнулся.

Третье — крикнул и полез за платком вытереть усы.

Четвёртое...

Феликс перестал считать.

Он смотрел на старца в ужасе. Тот сидел румяный, довольный, посасывал зубочистку, разглядывал винные бутылки на полках. Спросил: «Чего ты такой бледный, Феликс? Не болел ли?»

— Нет, — выдавил Феликс. — Я... я сейчас.

Он вышел в соседнюю комнату, где за массивным дубовым шкафом лежал револьвер. Руки тряслись так, что он выронил его один раз, потом второй. Поднял. Проверил барабан — пять патронов.

Вошёл обратно.

Распутин сидел к нему спиной, наклонившись к огню. Феликс поднял револьвер. Целился в затылок. Пальцы на спусковом крючке — лёд.

— Григорий Ефимович, — сказал он.

Старец обернулся. Улыбнулся — открыто, по-детски.

Феликс выстрелил.

Грохот в подвале показался оглушительным. Распутин дёрнулся — что-то крикнул — и рухнул лицом вниз, прямо на ковёр. Тёмная кровь потекла по медвежьей шкуре.

Феликс опустил револьвер. Дыхание не выравнивалось.

— Вот и всё, — прошептал он. — Вот и всё.

Он наклонился. Перевернул тело. Распутин лежал с открытыми глазами — мёртвыми, стеклянными. Феликс перекрестился по привычке.

В этот момент Григорий открыл рот и выдохнул:
— Феликс...

Феликс отшатнулся, споткнулся о кресло, упал на спину. Распутин приподнялся на локтях — пуля вошла в лоб, но он не был мёртв. Он смотрел на Феликса. Кровь текла по лицу, но он улыбался.

— Феликс, Феликс... — голос был шёпотом, хриплым. —
Завтра... смотри в зеркало...

И он протянул руку.

Феликс закричал. Не по-мужски, тонко. Распутин тянулся к старинному зеркалу в серебряной раме, что висело между бутылками коньяка. Кровавая ладонь коснулась стекла — и осталась на нём отпечатком. Чётким, пять пальцев, полосы на ладони.

Феликс вскочил. Схватил револьвер. Выстрелил ещё раз — в упор, в висок. Распутин дёрнулся и затих окончательно.

Секунду Феликс стоял, тяжело дыша. Потом бросил оружие и кинулся к лестнице — звать Дмитрия и Пуришкевича.

Они спустились через минуту. Дмитрий был бледен, Пуришкевич — зол. Осмотрели тело. Пуришкевич сказал: «Я ж говорил — стрелять сразу». Феликс не слушал. Он подошёл к зеркалу, достал платок, начал стирать кровавый отпечаток.

Платком — стёр. Отпечаток проступил снова.

Он тёр тканью, потом рукавом, потом подолом сюртука — без толку. Пять пальцев глядели на него со стекла. Феликс отступил, уронил платок.

— Что с тобой? — спросил Дмитрий.

— Зеркало... — выдохнул Феликс. — Оно не стирается.

Дмитрий посмотрел. Пожал плечами — ничего не понял. «Врёшь, наверное. Протри сильнее». Но Феликс уже не слышал.

— Заверните тело, — сказал он глухо. — И позовите Ивана.

Через полчаса Иван Горич, старый слуга, стоял перед ним в подвале. Ноги у него дрожали. Он смотрел на свёрток на полу — видно было, что угадал что к чему, но спросить не смел.

Феликс указал на зеркало.

— Убери это. В подвал. Замуруй в стене, чтобы никто не нашёл. Никто, слышишь?

— Слышу, барин, — голос Ивана был едва слышен.

— И никому ни слова. Ни жене, ни попу. Забудешь.

— Забуду, — кивнул Иван. — А если спросят?

Феликс посмотрел на зеркало. Отпечаток всё ещё горел на стекле.

— Скажешь, что не было никакого зеркала.

Он развернулся и вышел из подвала.

За спиной Иван Горич начал возиться с креплениями.

ЧАСТЬ I. «БЛОКАДНОЕ ЗЕРКАЛО»

Глава 1. «Фрейлина из подвала»

Время: 19 января 1943 года, 14:00

Место: Ленинград, набережная Мойки, коммунальная квартира

Блокада | Алексей Ухтомский

После прорыва блокады в городе наступило странное, хрупкое затишье. Ладожский лёд ещё держал дорогу жизни, но немцы отошли — недалеко, на считанные километры, но дышать стало легче. Алексей Ухтомский получил это дело в четырнадцать ноль-ноль, когда в кабинет Смольного вбежал запыхавшийся дежурный с известием о трупe.

— В бывшем Юсуповском дворце, — сказал дежурный.
— На Мойке.

Алексей надел шинель. На улице было двадцать пять градусов мороза, но после декабря, когда столбик опускался до сорока, это казалось теплом. Он прошёл пешком — машины не дали, сказали «всё на фронт». Идти было около получаса. Набережная Мойки встретила его пустыми домами с выби-

тыми окнами, заколоченными фанерой. Снег лежал сугробами по пояс, кое-где виднелись тропинки, протоптанные до воды.

Дворец Юсуповых выглядел сиротливо. Когда-то здесь сверкали люстры, гремели балы, Феликс Юсупов водил гостей в подвал, где показывал «ту самую комнату». Теперь в парадных залах ютились коммуналки — по шесть-семь семей на этаж, с общими кухнями и сортирами во дворе. Война разметала жильцов: кто умер от голода, кто эвакуировался, кто ушёл на фронт. Пустые комнаты опечатывали, но воры всё равно лазали.

Алексей поднялся на второй этаж. У двери стоял патрульный — молодой, с обмороженными щеками, трясущийся от холода.

— Товарищ капитан, — козырнул он. — Там внутри. Я не трогал.

— Давно нашли?

— Соседка пришла хлеб просить, а она лежит. Часа два назад.

Алексей кивнул и вошёл.

Квартира была угловой, с тремя окнами на Мойку. Мебель старая, ещё с дореволюционными резными ножками, но ободранная, кое-где растопленная в буржуйке. В воздухе стоял запах смерти — сладковатый, тошнотворный, тот, который Алексей уже научился распознавать с первого вдоха.

Тело лежало посередине комнаты.

Женщина — на вид лет семидесяти, седая, худая до прозрачности, в чёрном платье с кружевным воротником — лежала на спине, раскинув руки. Глаза открыты, смотрят в потолок. Шея в синих и багровых полосах — её душили. Пальцы правой руки сломаны.

Рядом — осколки.

Алексей опустил на корточки. Зеркало в серебряной раме — рама погнута, но узнаваема, тонкой работы, с вензелями и цветочным орнаментом. Стекло разбито вдребезги, крупные куски валяются на полу, перемешанные с пылью и сором.

Но самое странное было на стене.

Над телом, на уровне головы, на выцветших обоях — отпечаток ладони. Кровавый, чёткий, все пять пальцев, с завитками на подушечках. Ладонь крупная, мужская, явно больше руки убитой.

Алексей достал блокнот, сделал набросок. Потом обошёл комнату.

— Кто соседи? — спросил он у патрульного.

— Две семьи съехали в сорок первом. Одна умерла от дистрофии в декабре. Остался только мужчина, но он исчез. Вчера ещё был, а сегодня нет.

— Фамилия?

— Не знаю. В картотеке не значится.

Алексей записал. Потом подошёл к окну. Во дворе дети возились в снегу — живые, худые, но живые. Играли в вой-

нушку, кричали «ура!». Он отвернулся.

Он знал эту квартиру. Точнее, знал дом. В 1910-х здесь жили приближённые ко двору, а одна из комнат принадлежала фрейлине императрицы. Алексей не помнил имени, но что-то зацепилось в памяти. Когда он вернётся в Смольный, нужно поднять архивы.

— Вызовите санитаров, — сказал он патрульному. — И опросите всех, кто живёт в этом подъезде. Пусть даже дис-трофики — пусть говорят, что видели и слышали.

— Слушаюсь.

Алексей ещё раз посмотрел на отпечаток. Потом наклонился к телу. В правой руке убитой — зажатый в сломанных пальцах — был маленький серебряный крест. Алексей осторожно вынул его. На оборотной стороне гравировка: «Ф.Ю. — А.О. 1916».

Он сунул крест в карман гимнастёрки.

Ф.Ю. — это мог быть только Феликс Юсупов.

А.О. — кто? Анна Оболенская? Александра Орлова?

Он поднялся, отряхнул колени. В дверях столкнулся с соседкой — маленькой старушкой в платке, которая заглядывала с коридора.

— Вы к ней? — спросила она шёпотом.

— Да. Вы что-то знаете?

— Баронесса, царство ей небесное, — старушка перекрестилась. — Она вчера всё говорила: «идёт, идёт, за мной пришёл». Я думала, бредит. А он и правда пришёл.

— Кто «он»?

Старушка посмотрела на него мутными глазами и прошептала:

— Распутин. Григорий Распутин. Она говорила, что он из зеркала смотрит. И что за ней пришёл.

— Вы видели убийцу?

— Нет, — она затрясла головой. — Но слышала шаги. Тяжёлые. Мужские. А потом стёкла звякнули, и всё. Я в чулан спряталась.

Алексей вздохнул и закрыл блокнот.

Дело обещало быть странным.

Он вышел на лестницу. Внизу, у парадного, стоял его ординарец — молодой лейтенант Семёнов, который ждал с папиросой.

— Что там, товарищ капитан? — спросил Семёнов.

— Старуху убили, — сказал Алексей. — И разбили зеркало.

— Грабеж?

— Не похоже. Документы, деньги — всё на месте. И отпечаток ладони на стене.

— Чей?

Алексей помолчал.

— Крупный мужчина. И соседка говорит, что убийца — Распутин.

Семёнов поперхнулся дымом.

— Распутин? Тот самый? Его же убили в шестнадцатом.

— Знаю, — Алексей зашагал к выходу. — Поэтому, лейтенант, нам придётся копнуть поглубже. На сто лет назад.

Они вышли на набережную. С Мойки тянуло холодом и гарью — где-то топили буржуйку старыми книгами. Алексей остановился у парапета, достал крест из кармана, повертел в пальцах.

Ф.Ю. – А.О. 1916.

— Завтра поедем в архив на Литейный, — сказал он. — Посмотрим, кто такая А.О. и какое отношение ко всему этому имеет Феликс Юсупов.

— Думаете, это из-за старого?

— Не знаю, — Алексей спрятал крест. — Но две войны прошли, а люди всё ещё убивают друг друга из-за того, что случилось при царе.

Он посмотрел на затянутое облаками небо.

— Дорогая моя, — прошептал он, обращаясь неизвестно к кому. — Куда же ты нас завела?

Глава 2. «Отпечаток»

Время: 20 января 1943 года, 10:00

Место: Ленинград, Лиговский проспект, морг

Блокада | Алексей Ухтомский

Лиговский морг размещался в подвале бывшего доходного дома, который в блокаду приспособили под временное хранение трупов. Алексей спустился по обледеневшим ступеням, толкнул тяжёлую дверь. В нос ударил запах карболки, формалина и чего-то ещё — сладковато-приторного, от чего у неподготовленного человека сразу начинало кружиться голова.

За столом в углу сидел патологоанатом — мужчина лет пятидесяти в засаленном халате поверх ватника. Его звали Борис Маркович Цирес, и Алексей знал его ещё с довоенных времён. Цирес был из тех врачей, которые видели всё и ничему не удивлялись.

— А, Ухтомский, — сказал он, не поднимая головы от бумаг. — Опять к нам? Что на этот раз?

— Фрейлина с Мойки, Борис Маркович. Вчерашняя.

Цирес надел очки, посмотрел на Алексея поверх стёкол.

— Старушка? С разбитым зеркалом?

— Она самая.

— Странный случай, — патологоанатом отложил бумаги

и поднялся. — Пойдёмте, покажу.

Они прошли в секционный зал. Здесь было холодно — градусов пять тепла, не больше, но для морга в блокаду это считалось комфортно. На стальном столе лежало тело, накрытое простынёй. Цирес откинул ткань.

Алексей увидел то же, что и вчера: седые волосы, впалые щёки, чёрное платье. Но сейчас тело выглядело ещё более безжизненным — кожа приобрела восковой оттенок, глаза закрыли, руки аккуратно сложили на груди.

— Что скажете? — спросил Алексей.

Цирес подошёл к столу, указал на шею.

— Смерть от удушения. Видите эти полосы? Пальцы — крупные, мужские. Жертву душили сзади, скорее всего стоя. Следов борьбы почти нет — она была слаба, дистрофия второй степени. Сопrotивляться не могла.

— Пальцы сломаны?

— Да. Правой руки, четыре пальца. Фаланги раздроблены. Похоже, их ломали целенаправленно, после смерти или в агонии — кровоизлияния минимальные. Убийца что-то искал в её руке.

— И нашёл, — Алексей достал из кармана серебряный крест. — Вот это. Она зажала его в кулаке.

Цирес взял крест, повертел.

— Ф.Ю. — А.О. 1916. Не знаю, что это. Но вещь старая, серебро хорошей пробы. Небось ещё до революции сделали.

— А отпечаток ладони на стене?

— Ах да, — Цирес вернулся к столу, снял с тела простыню полностью. — Это самое интересное.

Алексей подошёл ближе. Цирес указал на левую руку убитой.

— Я снял отпечатки с её пальцев. Сравнил с тем, что на стене. Не совпадают, конечно.

— А чей тогда?

— Пока не знаю. Но могу сказать точно: ладонь мужская, крупная, человеку выше ста восьмидесяти сантиметров. У нашей жертвы ладонь маленькая, женская — она и рядом не стояла.

— Отпечаток был кровавый, — сказал Алексей. — Значит, убийца поранил руку?

— Или испачкался в крови жертвы. Но здесь другое странно.

Цирес подошёл к шкафу, достал папку с фотографиями. Алексей увидел чёрно-белые снимки — стена с отпечатком, крупным планом.

— Посмотрите сюда, — патологоанатом ткнул пальцем. — Видите? Пальцы расставлены широко, ладонь напряжена. Это не случайное прикосновение. Человек приложил руку с силой, вдавил в стену. Зачем?

— Хотел оставить след?

— Возможно. Или хотел что-то сказать. Вот это, — Цирес указал на линию на снимке, — похоже на старый шрам. На ладони, между большим и указательным пальцем. Убий-

да когда-то порезался, шрам остался. На отпечатке его видно — тонкая полоса, где крови меньше.

Алексей взял фотографию, присмотрелся.

— Шрам. Это зацепка.

— Если найдёте человека с таким шрамом, — сказал Цирес, — зовите. Я сравню.

— Обязательно.

Алексей убрал снимок в планшет. Потом посмотрел на тело.

— Ещё что-нибудь?

— Да. Осколки зеркала, которые вы принесли. Я их не трогал, лежат в ящике. Но скажу сразу: зеркало разбили до смерти или в момент убийства. Осколки на полу, некоторые под телом. Убийца бил с силой, может быть, даже не один раз.

— Зачем ему разбивать зеркало?

— Не знаю, — Цирес пожал плечами. — Может, хотел уничтожить улики. Может, метафора. Вы же историк, вам виднее.

Алексей вздохнул.

— Историком я был в другой жизни, Борис Маркович. А сейчас я капитан НКВД, который ищет убийцу старух.

— И находит кресты с царскими вензелями.

— И это, — Алексей достал из кармана клочок бумаги, где набросал отпечаток. — Я забираю осколки. Может быть, в Эрмитаже что-то подскажут.

Цирес кивнул, достал из-под стола холщовый мешок.

— Здесь всё, что собрали. Крупные куски и мелкие. Осторожнее, края острые.

Алексей взял мешок, почувствовал тяжесть. Стекло звенело.

— Спасибо, Борис Маркович.

— Удачи, — патологоанатом уже сел за свой стол, вернулся к бумагам. — Она вам понадобится.

Алексей вышел из морга. На улице мороз усилился, небо затянуло свинцовыми облаками. Семёнов ждал у машины — на этот раз дали «эмку», старенькую, но на ходу.

— В Эрмитаж, — сказал Алексей, садясь. — На Дворцовую.

— Есть, товарищ капитан.

Машина чихнула, завелась и покатила по Лиговскому. Алексей смотрел в окно на пустые улицы, на трамваи, вмёрзшие в лёд, на очереди за хлебом. Ленинград жил — еле-еле, на пределе, но жил.

Он думал о сломанных пальцах старухи, о кровавом отпечатке на стене, о кресте с инициалами Ф.Ю. и А.О. И о зеркале. Почему убийца разбил зеркало? Что оно хранило? Правду? Тайну? Или просто мешало?

— Семёнов, — сказал он.

— Слушаю.

— В архивах после Эрмитажа поищем. Нужны списки фрейлин императрицы. Те, кто служил при дворе в 1910-х.

— Много их было, товарищ капитан.

— Но не все дожили до блокады, — Алексей посмотрел на мешок с осколками. — И не всех убивают с разбитыми зеркалами.

— Думаете, это не последняя?

— Боюсь, что нет.

Машина свернула на Невский. Вдалеке уже виднелись колоннада Эрмитажа и шпиль Адмиралтейства. Алексей закрыл глаза.

Перед мысленным взором всё ещё стоял отпечаток — крупная мужская ладонь, вдавленная в стену, с тонкой полосой старого шрама между большим и указательным пальцем.

Эту руку он запомнит.

Глава 3. «Полковник Медведев»

Время: 21 января 1943 года, 09:00

Место: Ленинград, Смольный, кабинет Алексея

Блокада | Алексей Ухтомский

В Смольном было холодно, как везде. Батареи не работали с декабря, дышали паром изо рта, и секретарши сидели в ватниках поверх форменных кофт. Алексей поднялся на третий этаж, прошёл по длинному коридору с высокими потолками — здесь когда-то заседал Временный комитет, потом Смольный стал колыбелью революции, а теперь был штабом обороны Ленинграда. Время накладывалось на время, история наслаивалась на историю.

Кабинет полковника Медведева находился в торце коридора, за тяжёлой дубовой дверью с табличкой «Особый отдел. Начальник». Алексей постучал.

— Войдите, — голос был сухой, резкий, без приветливых ноток.

Внутри оказалось просторно. Стол, кожаное кресло, портрет Сталина на стене, сейф в углу. На столе — аккуратно разложенные папки, чернильница, карандаши. Ничего лишнего.

Полковник Медведев сидел за столом, поправляя очки. Ему было около сорока пяти, но выглядел он старше —

усталые глаза, глубокие морщины на лбу, седина на висках. Алексей видел его впервые, но уже слышал о нём: Медведева назначили в декабре, после того как его предшественника сняли за «недостаточную бдительность». Говорили, что Медведев из Москвы, лично знал Берию, что он жёсткий и подозрительный, что с ним лучше не спорить.

— Капитан Ухтомский, — Медведев не предложил сесть. — Садитесь.

Алексей сел на стул у стены. Медведев смотрел на него поверх очков — взгляд тяжёлый, изучающий.

— Докладывайте по делу фрейлины фон Мекк.

— Убийство, товарищ полковник, — сказал Алексей. — Смерть от удушения, сломаны пальцы, разбито зеркало. На стене — кровавый отпечаток мужской ладони. Свидетельница слышала шаги и голоса.

— Свидетельница — дистрофик второй степени, — Медведев перебил, заглянул в папку. — Её показания ненадёжны. Она могла видеть галлюцинации.

— Она слышала шаги, товарищ полковник. И пряталась в чулане. Это не галлюцинация.

Медведев отложил папку, снял очки, протёр их платком.

— Ухтомский, я прочитал ваше личное дело. Вы работали с Глуховым, имели доступ к секретным материалам. Это делает вам честь. Но сейчас не тысяча девятьсот тридцать седьмой год, и у нас другие приоритеты. Война, блокада, голод. Люди умирают каждый день — от дистрофии, от обстрелов,

от сердечных приступов. И если какая-то старуха умерла в своей комнате, это не основание для расследования.

— Её убили, — твёрдо сказал Алексей. — Это не дистрофия. Это убийство.

— Вы патологоанатом? — Медведев посмотрел на него в упор.

— Нет. Но эксперт Цирес подтвердил — следы удушения. И сломанные пальцы не от голода.

Медведев помолчал. Потом встал, подошёл к окну. За стёклами — заснеженный город, дымы над трубами, где-то далеко — разрывы.

— Я скажу вам одну вещь, Ухтомский, и вы её хорошо запомните. — Он повернулся. — Ленинград сейчас — не место для игр в сыщиков. У нас каждый день гибнут люди. Десятки, сотни. И если мы начнём расследовать каждую смерть, армия недосчитается офицеров. Вы поняли?

— Понял, товарищ полковник. Но это дело другое.

— Чем?

— Связью с Юсуповым, — Алексей решил идти ва-банк. — Убитая была фрейлиной, приближённой ко двору. В её руке нашли крест с вензелем Феликса Юсупова. Того самого, который убил Распутина.

Медведев нахмурился.

— Распутина убили в шестнадцатом году. Какое это имеет отношение к сегодняшнему дню?

— Не знаю. Но вторая убитая — княгиня Долгорукая, то-

же фрейлина. Убита так же, как и фон Мекк. Возможно, есть и третья.

— Третья?

— Оболенская. Анна Сергеевна. Она жива, лежит в госпитале. Возможно, следующая цель.

Медведев вернулся за стол, открыл папку, пробежал глазами бумаги. Алексей видел, как его лицо меняется — напряжение, сомнение, потом принятие решения.

— Слушайте меня, Ухтомский. Дело закрывается. Официально. Смерть от дистрофии, подпишу акт сегодня.

— Но...

— Не перебивайте. — Медведев поднял палец. — С другой стороны, я даю вам трое суток. Неофициально. Вы проверите всё, что считаете нужным. Найдёте убийцу или докажете, что его нет. Через три дня доложите лично мне.

— А если не найду?

— Тогда вы забудете об этом деле, а я забуду о нашем разговоре. — Медведев посмотрел на него. — И ещё одно.

— Слушаю.

— За мной смотрят. — Голос Медведева стал тише. — Я не знаю, кто именно, но в Смольном есть люди, которые ждут моей ошибки. Если кто-то узнает, что я разрешил вам копать это дело — пострадаем мы оба. Вы поняли?

— Понял, — Алексей кивнул.

— Действуйте тихо. Никаких докладных, никаких запросов через общий отдел. Работайте через Глухова, если нужно

— он ещё имеет вес. И помните: трое суток.

— А если убийца найдётся?

Медведев усмехнулся — впервые за весь разговор.

— Тогда приведите его ко мне лично. И сделайте так, чтобы это не выглядело как наша общая инициатива.

Алексей поднялся.

— Разрешите идти?

— Идите. — Медведев уже взял другую папку, другую бумагу. — И Ухтомский?

— Да?

— Будьте осторожны. Если это действительно связано с Юсуповым и Распутиным — вы роетесь в очень старом дерьме. А старое дерьмо иногда взрывается.

Алексей вышел из кабинета. В коридоре он остановился, достал папиросу, прикурил от зажигалки. Руки слегка дрожали — то ли от холода, то ли от разговора.

Семёнов ждал внизу, в вестибюле.

— Ну что, товарищ капитан? — спросил он, увидев Алексея. — Закрыли дело?

— Закрыли, — Алексей выдохнул дым. — Официально. А неофициально — у нас трое суток.

— На что?

— Найти убийцу, — Алексей затушил папиросу. — И узнать, какое отношение к всему этому имеет Распутин.

— Распутин? Тот самый?

— Тот самый, лейтенант. Тот самый, которого убили в

Юсуповском дворце двадцать семь лет назад. И похоже, его тень до сих пор кому-то мешает.

Они вышли на улицу. Мороз кусал лицо, ветер гнал позёмку. Алексей посмотрел на небо — низкое, серое, без про света.

Трое суток.

Маловато.

Глава 4. «Княгиня с Лиговского»

Время: 21 января 1943 года, 16:00

Место: Ленинград, Лиговский проспект, коммунальная квартира

Блокада | Алексей Ухтомский

Вызов поступил через три часа после разговора с Медведевым. Алексей как раз собирался ехать в Эрмитаж с осколками зеркала, когда в кабинет вбежал дежурный.

— Товарищ капитан, ещё один труп. Лиговский, дом семь, квартира двенадцать. Женщина, пожилая.

— Как связались? — спросил Алексей, уже натягивая шинель.

— Соседка пришла за хлебом. Дверь была приоткрыта. Она заглянула — и бегом к нам.

— Соседку не выпускать. И патрульных вызовите — пусть оцепят подъезд.

Дежурный кивнул и убежал. Алексей вышел на лестницу, где курил Семёнов.

— Бросай, лейтенант. Едем.

— Куда?

— Лиговский, семь. Вторая.

Семёнов бросил папиросу, вытер ногой.

— Вторая убитая, товарищ капитан?

— Похоже на то.

«Эмка» завелась с пол-оборота — чудо для блокадной техники. По дороге Алексей думал о том, что сказал Медведев. «Старое дерьмо иногда взрывается». Теперь он понял, что имел в виду. Одна смерть — случайность. Две — закономерность.

Лиговский проспект встретил их пустыми витринами магазинов, заколоченными аптеками и длинной очередью у булочной. Люди стояли в пальто поверх ватников, переминались с ноги на ногу, молчали. В блокаду говорить было не о чем — силы берегли на дыхание.

Дом семь оказался трёхэтажным доходным домом дореволюционной постройки, с облупившейся штукатуркой и выбитыми окнами на втором этаже. Подъезд был тёмным, пахло мочой, кошками и ещё чем-то кислым. Алексей поднялся на второй этаж, прошёл по коридору, где сушилось тряпье, и остановился у двери с номером двенадцать.

Патрульный уже стоял на посту.

— Внутри никого не было, товарищ капитан. Соседка в соседней комнате.

— Хорошо.

Алексей толкнул дверь.

Квартира была меньше, чем на Мойке, и темнее. Одно окно, выходящее во двор, завешено тряпкой. Посреди комнаты — железная кровать, застеленная старым одеялом. На кровати — тело.

Княгиня Вера Николаевна Долгорукая лежала лицом вниз, руки вытянуты вдоль туловища. На вид ей было лет семьдесят пять — седые волосы собраны в пучок, чёрное платье, кружевной воротник. Та же эпоха, тот же стиль.

Алексей подошёл ближе. Шея — в синих и багровых полосах. Сломаны пальцы левой руки. На полу — осколки зеркала.

Он опустился на корточки. Зеркало было меньше, чем в прошлый раз, в деревянной раме, позолоченной, но облупившейся. Стекло разбито вдребезги, крупные куски лежали под кроватью, на тумбочке, на полу.

Алексей поднял голову.

На стене — отпечаток ладони. Кровавый, чёткий, пять пальцев. Тот же размер, та же постановка. Между большим и указательным пальцем — тонкая полоса, где крови меньше. Старый шрам.

— Тот же, — сказал он вслух. — Тот же убийца.

Семёнов стоял в дверях, бледный.

— Точно, товарищ капитан?

— Сравните фотографии — увидите. — Алексей достал блокнот, сделал набросок отпечатка. — И здесь зеркало разбито. Что он хочет этим сказать?

— Может, ненавидит своё отражение? — неуверенно предположил Семёнов.

— Или уничтожает улики. Или посылает сигнал.

Алексей обошёл комнату. На тумбочке — старые фото-

графии в деревянных рамках. Дамы в шляпках, мужчины в сюртуках. На одной — группа женщин во дворцовых платьях. Алексей присмотрелся: среди них он узнал фон Мекк и, вероятно, Долгорукую. Рядом — молодая женщина с высокой причёской. Он перевернул фотографию. На обороте — карандашная надпись: «Лето 1914. Царское Село».

— Отойдите! — раздался голос из коридора.

Алексей обернулся. В дверях стояла женщина в платке и ватнике — соседка, которую привел патрульный. Её звали Клавдия Ивановна, она жила в соседней комнате и работала уборщицей в типографии.

— Вы нашли её? — спросила она, глядя на тело. — Я говорила — что-то случится.

— Что вы имеете в виду? — Алексей подошёл к ней.

— Княгиня вчера весь вечер шептала. Я слышала сквозь стенку. Она повторяла: «Идёт, идёт, за мной пришёл». Я думала — бред. Дистрофия у неё была, слабость. А она шептала и шептала.

— Что ещё она говорила?

Клавдия Ивановна перекрестилась.

— «Распутин. Он смотрит из зеркала. Прости нас, Господи».

— Она назвала имя?

— Распутина. Григория Распутина. — Женщина заплакала. — Я думала, она с ума сошла. А сегодня утром пошла хлеб взять — дверь открыта, а она... — Она всхлипнула.

— И зеркало разбито. Как вчера, когда я заходила, зеркало было целое. Висело вот здесь, над кроватью. А сегодня — осколки.

— Вы видели или слышали что-нибудь ночью?

— Нет. Я сплю крепко, а утром встаю затемно. Ничего не слышала.

Алексей записал показания. Потом вернулся к телу. Осмотрел руки — сломаны пальцы левой руки, как у фон Мекк — правой. Опять что-то искали.

— Семёнов, — сказал он. — Проверьте, что лежало на тумбочке, когда мы пришли. Всё запишите.

— Есть.

Алексей наклонился над тумбочкой. Кроме фотографий — ничего. Ни документов, ни украшений, ни креста. Возможно, убийца забрал то, что искал. Или княгиня не успела ничего зажать в кулаке.

Он подошёл к окну, отодвинул тряпку. Во дворе — пусто-та, сугробы, брошенные сани. Вдалеке — дым над Печами. Жизнь продолжалась.

— Что думаете, товарищ капитан? — спросил Семёнов, закончив опись.

— Думаю, что убийца — один и тот же человек. И он охотится на фрейлин, связанных с Юсуповым. — Алексей посмотрел на Семёнова. — Вопрос: зачем?

— Может, он ищет что-то, что они спрятали?

— Возможно. У фон Мекк он сломал пальцы — вынул

крест. У Долгорукой — тоже сломал, но ничего не нашёл. Или нашёл, но забрал. Или не успел.

— Значит, третья — Оболенская?

— Оболенская, — Алексей кивнул. — Она в госпитале. Если убийца знает о ней — он будет там.

— Сегодня?

— Сегодня или завтра. — Алексей взглянул на часы. — У нас трое суток. Восемьдесят процентов времени уже прошло? Нет, только полдня. Но медлить нельзя.

— Едем в госпиталь?

— Сначала в Эрмитаж. Нужно понять, что за зеркала и почему убийца их разбивает. Потом — в госпиталь.

Алексей ещё раз обвёл взглядом комнату. Странное чувство не покидало его — будто он опаздывает. Будто кто-то невидимый наблюдает за ним из прошлого.

Он подошёл к стене, посмотрел на отпечаток. Крупная ладонь, шрам между пальцами.

— Кто ты? — спросил он шёпотом.

Отпечаток молчал.

— Семёнов, — Алексей повернулся. — Вызовите санитаров. И пришлите фотографа. Нужно снять отпечаток и осколки.

— Есть.

— И найдите мне адрес Оболенской. Какой госпиталь, какая палата.

— Уже есть, товарищ капитан. Госпиталь на Выборгской

стороне. Палата для дистрофиков, четвёртый этаж.

Алексей кивнул.

— Сегодня вечером будем там.

Он вышел из квартиры, спустился по тёмной лестнице на улицу. Мороз ударил в лицо. Он глубоко вдохнул и выдохнул облако пара.

— Распутин смотрит из зеркала, — повторил он слова княгини. — Что за чертовщина?

Он знал, что чертовщины не бывает. Всё имеет объяснение. Вопрос — какое.

Глава 5. «Дело 1918»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.